

*Ане — с благодарностью
за лучшую игру миссис Норидж*

ЦВЕТЫ МИССИС ГРИНВИЧ

Ни у кого не повернулся бы язык назвать миссис Норидж дамой со странностями. А между тем она была одной из самых необычных женщин, встречавшихся модистке Эффи Прист.

Эмма Норидж выглядела образцовой гувернанткой, словно сошедшей со страниц одного из тех восхитительно пухлых романов, где брошенные дети снуют по улицам большого города, точно рыбки, занесенные течением в распахнутую пасть Левиафана, кроткие непорочные девушки претерпевают лишения, которых не выдержал бы и солдат, и любящие сердца воссоединяются после долгих лет испытаний и разлук. В таких романах непременно присутствует черствая, как старый бисквит, гувернантка, которая запирает бедных сирот в холодных подвалах, третирует их и притесняет. Лишенные форм тела затянута в жесткое крахмаленное платье, как в броню, она не умеет улыбаться, и читатель вроде Эффи отдал бы все, чтобы на последней странице ее съели крысы — но толь-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

ко украдкой, чтобы не омрачать предсвадебную суматоху.

Миссис Норидж действительно имела строгий вид, и ее черные платья лишь по праздникам сменялись темно-коричневыми. Гувернантка шла на эту серьезную уступку общественным устоям дважды в год — на Пасху и на Рождество. Улыбка редко озаряла ее худое, даже несколько костлявое лицо с сильно выдающимся подбородком; серые глаза под густыми бровями чаще бывали прищурены, чем широко раскрыты, ибо мало что могло поразить Эмму Норидж, но многое заставляло задуматься.

Несмотря на все вышеперечисленное, Эффи Прист замечала, что дети искренне привязываются к гувернантке. Миссис Норидж обыкновенно не держивалась у своих нанимателей дольше, чем на два года, твердо стоя на том, что за такой срок даже овцу можно обучить музыке, рисованию и немецкому языку, и если уж она не преуспееет в этом с обычным ребенком, ее необходимо выгнать и заменить на более знающую особу. Миссис Норидж позволяла себе не любить французский: он придавал, по ее словам, излишнюю выразительность сказанному. «Вы не в театре, моя дорогая, — строго заметила она однажды своей воспитаннице, решившей блеснуть познаниями в языке Бальзака. — Если уж непременно хотите произвести на нас впечатление, говорите по-немецки».

Закончив обучение своих подопечных в семье, миссис Норидж делала перерыв на два-три месяца. «Когда работаешь с детьми, отдыха много не бывает», — говаривала она. Однако и на отдыхе гувернантка продолжала вставать в шесть утра, а ее мно-

ВАШ ХОД, МИССИС НОРИДЖ

гочасовые прогулки в любую погоду стали притчей во языцех среди жителей Эксберри.

Посторонние могли бы счесть ее высокомерной и замкнутой. Она не искала ничьей дружбы, однако легко заводила друзей. Немало нашлось бы желающих избавить город от ее присутствия! Но хватало и тех, кто не уставал благодарить судьбу за встречу с миссис Норидж.

Словом, гувернантка казалась миссис Прист ходячим парадоксом. Познакомившись с ней ближе, Эффи с изумлением открыла, что миссис Норидж не лишена чувства юмора, хотя и несколько специфического свойства. Не раз во время беседы миссис Прист посмеивалась от души. Собеседница при этом взирала на нее с неизменно чопорным выражением, словно задаваясь вопросом, чем вызвана эта веселость.

О ее юности, семье и покойном муже Эффи ничего не было известно. Миссис Норидж не окутывала себя таинственностью, однако некоторые двери держала плотно закрытыми.

Старший брат Эффи, Барри Гринвич нацепил котелок и взялся за ручку двери. Мистер Гринвич был внушительным мужчиной, однако в эту минуту вид у него был неуверенный.

— Поговори с ней, — напутствовала его Эффи, — расскажи ей все как есть, ничего не утаивай!

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Барри. — Только все ж таки лучше бы ты пошла со мной, Эф.

Однако миссис Прист без долгих раздумий проводила его, присовокупив напоследок, что мис-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

сис Норидж не сочтет его неотесанным невежей, поскольку предупреждена.

С тем Барри и ушел. Эффи проводила взглядом его сутулую спину в коричневом пальто и вернулась к шляпке для миссис Уивер, которую обещала закончить к завтрашнему утру.

Гувернантка прогуливалась вдоль озера, как всегда в это время дня. Барри Гринвич, чувствуя себя до крайности сконфуженно, приподнял котелок и отвесил неуклюжий поклон.

— День добрый, миссис Норидж! Простите, вы меня не знаете.

Он побагровел от неловкости. Ну, Эффи!.. Что за вид у него сейчас, заговаривающего с незнакомой женщиной в безлюдной местности! А в какое положение она поставила свою подругу!

Однако гувернантка не выглядела смущенной.

— Здравствуйте, мистер Гринвич! — спокойно сказала она. — Ваша сестра много рассказывала о вас. Вы составите мне компанию? Сегодня здесь на удивление много птиц, за ними интересно наблюдать.

Они пошли по берегу, где ивы макали длинные ветви в воду, и вскоре Барри обнаружил себя вовлеченным в беседу о повадках перелетных гусей и особенностях охоты на тетерева.

Наконец он набрался духу, чтобы перейти к делу.

— Позвольте, миссис Норидж, попросить вашего совета. — Он дождался заверений, что та будет рада помочь, и продолжал: — Как вы, должно быть, знаете от моей сестры, месяц назад я овдовел. — Он указал на траурную повязку на рукаве.

ВАШ ХОД, МИССИС НОРИДЖ

— Миссис Прист говорила о вашей утрате. Примите мои соболезнования, мистер Гринвич.

— Благодарю вас. Моя супруга, да упокоит Господь ее душу, держала хозяйство, как бы это сказать, в крепком кулаке. У нее были свои привычки, которые много лет оставались неизменными. Например, никому не разрешалось переставлять ее чашку в буфете, она всегда должна была занимать строго отведенное место... Вы сейчас поймете, к чему я это говорю.

Он смутился и искоса посмотрел на миссис Норидж, проверяя, не смеется ли она над ним.

— Сколько лет было вашей жене, мистер Гринвич?

— Шестьдесят три. Мы прожили с Джудит сорок два года. — Барри Гринвич тяжело вздохнул.

Она кивнула, призывая его продолжать рассказ.

— Три недели назад я зашел в спальню Джудит, чтобы взять пару вещей. В то утро мы виделись с попечительницей благотворительного общества, и я пообещал ей передать кое-что для девушек, попавших в беду. Я хорошо помню, как выглядели полки, когда я закрывал дверцы шкафа. Попечительница, миссис Гулдикрейн, выразила мне свою благодарность... чрезмерную, как по мне, потому что передал-то я всего три теплых шали да старую накидку, которую Джудит лет двадцать не надевала... но слышать это было очень приятно. Спустя некоторое время я решил, что мог бы отправить в общество и еще что-нибудь. Комнату Джудит я не люблю, — нехотя проговорил он. — У меня есть на то свои причины. Признаюсь, мне пришлось готовиться к этому пару дней, пока наконец я решился. На этот раз вещи в шкафу лежали совершенно не так, как я их

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

оставил! Сказать по правде, несмотря на свою педантичность, Джудит не отличалась особенной акkuratностью, да простит она меня за такие слова. — Мистер Гринвич перекрестился, бросив опасливый взгляд за правое плечо, словно покойная супруга сопровождала его, следуя чуть позади. — Ее шали и накидки были сложены так же, как при ней. Словно она явилась и навела порядок по-своему, как привыкла.

— А что говорит служанка?

— Мэри уверяет, что не прикасалась к вещам.

— Что-нибудь пропало? — спросила миссис Норидж. В глубине души она сомневалась, что Барри Гринвич знал, как одевалась его супруга, но, к ее удивлению, он твердо ответил, что все на месте.

— Я не осмелился брать оттуда что-либо еще. Как-то, знаете, рука не поднялась. Где-то неделю спустя я вернулся домой раньше, чем предполагал — не к ужину, а к чаепитию. Дома была Бернис, наша кухарка. Я вошел в гостиную, и мне в глаза бросилась чашка из мейсенского фарфора, с фиалками — любимая чашка Джудит. Она стояла на столе, стул был слегка отодвинут. Понимаю, то, что я говорю, звучит нелепо... Но выглядело все так, словно кто-то только что отошел от стола. Я, разумеется, решил, что это дело рук Бернис, однако она довольно ядовито заметила, что если бы хотела утащить чашку, то не стала бы оставлять ее на виду.

— Кухарка могла выпить чай из чашки покойной хозяйки, — заметила миссис Норидж.

— Бернис с Джудит не раз устраивали перебранки... Уж если говорить начистоту, Бернис скорее плюнула бы в эту чашку, чем стала бы пить из нее.

ВАШ ХОД, МИССИС НОРИДЖ

Она клянется, что не отрывалась от своей стряпни. Говорит, у нее в мыслях не было переставлять посуду в буфете.

— Пойдите-ка... — Гувернантка нахмурилась. — Так посуда была переставлена?

— В том-то и дело! Когда я встал на табурет, увидел, что блюдца сдвинуты, а пара чашек перевернута. Супруга моя покойная всегда так делала, когда протирала там пыль, — она ни кухарку, ни служанку до этого ответственного дела не допускала, говорила, что они все перебьют.

Мистер Гринвич испустил долгий прерывистый вздох.

— Я, конечно, все равно грешил на Бернис. Посудите сами, миссис Норидж, ведь дома, кроме нее, никого и не было. Но что-то меня грызло... Ведь, ей-богу, ей незачем было брать чашку. А уж пыль протирать — и подавно! Она своей-то работой тяготится, зачем же ей взваливать на себя чужую?

— А служанка? — спросила миссис Норидж. — Мэри могла прийти в ваше отсутствие?

— Мочь-то она могла, да только от Мэри не дождешься, чтобы она столы лишний раз протерла, уж о зеркалах и не говорю. До буфета она никогда в жизни не добиралась. Нерадивая девица. Но ведь и на этом дело не закончилось! Потому-то я и обратился к вам... — Барри замялся. — Сказать по правде, не знаю, чем вы сможете мне помочь, но Эффи велела все выложить вам как на духу.

— Так что же еще случилось?

Мистер Гринвич снова вздохнул так тяжело, словно последняя часть рассказа потребовала от не-

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

го концентрации всех жизненных сил, и промокнул черным платком взмокший лоб.

— Джудит цветов никогда не любила, — сказал он. — Считала, баловство это все и глупость. От них, говорила, у нее голова раскалывается. А пару лет назад вдруг начала возвращаться домой с букетами. Высокие такие цветы собирала, вроде колокольчиков... Внизу, у реки.

Миссис Норидж понимающе кивнула. Пойма широкой и быстрой реки Марот, протекавшей под Эксберри, в июне приобретала нежный розово-лиловый оттенок, становясь издали похожей на вечернее облако, опустившееся с небес отдохнуть и набраться сил у воды. То цвела наперстянка.

— Я поначалу молча удивлялся, потом спросил: что это ты? А Джудит мне отвечает: они мух отпугивают. Кто-то ей сказал, она и поверила. Раз в неделю сама ходила за цветами, и воду им меняла, и разговаривала с ними. Пока от них была только красота, ей в том проку не было, а раз полезные — это, значит, совсем другое дело.

Хоть мистер Гринвич выразил свою мысль не совсем стройно, гувернантка поняла, что он хочет сказать. «Что ж, весьма практичный подход».

— Третьего дня я возвратился домой уже в сумерках. Я помощник мистера Галлоуби в банке «Галлоуби и сыновья», дел было много и пришлось задержаться... Цветы я увидел через стекло, когда подходил к дому, и сперва решил, что это розы. Подумал, Эффи принесла. А вошел в гостиную — и глазам своим не поверил! Букет красовался на том месте, где Джудит всегда его ставила.

— Бернис и Мэри отрицают, что это дело их рук?

ВАШ ХОД, МИССИС НОРИДЖ

— В том-то и дело! Они в тот день и вовсе к нам не приходили. У Бернис был выходной, а Мэри зубами маялась и ездила к доктору. Миссис Норидж, если бы вы разобрались, я был бы вам очень признателен. Мне все это не дает покоя. Не знаю, что и думать.

— А что вы сделали с цветами? — спросила миссис Норидж.

Мистер Гринвич явственно смутился.

— Да ничего... Попросил Мэри, чтобы меняла им воду... Они пахнут... да и взгляду, так сказать, приятно...

Миссис Норидж постаралась скрыть улыбку. Вдовец не знал, как угодить покойной супруге, но очень старался.

.....

Прислуга, как выяснила гувернантка, была приходящей.

«У супруги моей характер всегда был не сахар, — объяснил Барри. — Но в последний год стало совсем невесело. Бернис твердила, что ей недоплачивают, а Мэри то и дело жаловалась, что Джудит кричит на нее. Вот обе и уехали — не смогли жить с хозяйкой под одной крышей».

Миссис Норидж сопоставила сорок два года, прожитых четой Гринвич вместе, с вещами в шкафу, чашкой и цветами.

«Хм!» — сказала она себе. Объяснение случившемуся напрашивалось само.

Чтобы проверить свое предположение, вместо ужина гувернантка совершила прогулку до поймы. Путь ее лежал через банк Галлоуби, и вскоре она

ЕЛЕНА МИХАЛКОВА

убедилась, что Барри Гринвичу достаточно было сделать небольшой крюк, чтобы оказаться у реки. Затем неспешная прогулка вверх по склону — и вот он уже на своей улице, где дома из порыжевшего кирпича стоят плечом к плечу.

Сорок два года совместной жизни — не шутка. Каков бы ни был характер супруги, Барри не хватало ее; не в силах смириться с утратой, он создал, сам того не осознавая, иллюзию, что миссис Гринвич по-прежнему с ним, и раз в неделю старательно поддерживал ее, как хороший садовник поддерживает и продлевает цветение розы. Его спасительный самообман был очевиден.

После окончания рабочего дня он спустился к реке, чтобы нарвать цветов, и не кто иной, как он сам, достал чашку супруги из буфета. Конечно, Барри Гринвич выглядел как человек, которому даже цветные сны не снятся, но миссис Норидж знала, что в таких вопросах нельзя доверять впечатлению от внешности.

С этими выводами она заглянула в тот же вечер к модистке.

— Ваш брат слишком долго прожил со своей женой и не готов отпустить ее. Он хочет, чтобы она и после смерти продолжала заботиться о нем...

Гувернантка собиралась продолжить, но осеклась, заметив веселое изумление, отразившееся на курносом лице Эффи.

— Что вы! — Модистка всплеснула руками. — Клянусь вам, единственное, чего хочет Барри, — чтобы Джудит оставила его в покое!

— Вы хотите сказать, он не тоскует по жене? — нахмурилась миссис Норидж.

ВАШ ХОД, МИССИС НОРИДЖ

— Я от вас скрывать не буду: если бы Джудит объявилась, хоть в живом, хоть в призрачном виде, Барри, пожалуй, полез бы в петлю. Характер у него терпеливый, а если сказать точнее, вялый, не чета моему. Но даже его Джудит доводила до белого каления. Все соседи слышали, как они бранились! Она и посуду била, и пиджак его выкинула как-то раз... А то удочки взялась ломать через колено! Колено у нее было будь здоров, толще двух моих, но удилицем ее так хлестнуло по щеке, что шрам остался. — В голосе Эффи, как показалось гувернантке, прозвучало скрытое удовлетворение. — Она потом болтала направо и налево, будто ее Барри стегнул хлыстом. Ну да Джудит здесь хорошо знали, так что веры ее словам не было.

Миссис Норидж спросила, чем же мистер Гринвич так насолил своей жене, чтобы избавляться от его вещей.

— Вожжа ей под хвост попадала, вот и все, — невозмутимо ответила Эффи. — Не верите? Кого хотите спросите! Джудит всегда была взбалмошная! Помню, отмечала она пятидесятилетие. Большой был праздник, и устроено все было по высшему классу, тут я слова плохого не скажу. Барри расщедрился и подарил ей брошь: корзинку с цветами. — Эффи завистливо вздохнула: ее супруг, мелкий клерк, не мог позволить себе такой подарок. — Золотая плетеная корзинка, а в ней ландыши из жемчуга. А на ландышах роса: пять бриллиантов. Ух и красивая! Я-то надеялась, после смерти Джудит она мне достанется...

— Миссис Гринвич завещала ее кому-то другому? Эффи гневно фыркнула.